

ПОЭЗИЯ А. А. ФЕТА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ШКОЛЬНОМ КАНОНЕ*

ЛЕА ПИЛЬД

В настоящей главе нас будут интересовать не педагогические или методические аспекты заявленной темы, а то, какое влияние оказало бытование стихов Фета в школьном каноне XIX в. на их дальнейшую литературную судьбу и (отчасти) на судьбу всей лирики поэта.

Впервые стихотворения Фета (в то время еще студента) были включены в гимназическую хрестоматию в 1843 г. Алексеем Дмитриевичем Галаховым [Галахов: 430–432, 434]. К этому времени поэт уже выпустил первый сборник и успел опубликовать в «Москвитянине» (благодаря протекции своего университетского профессора С. П. Шевырева, одного из самых деятельных и влиятельных сотрудников журнала) цикл «Снега» (1842, № 1), а в «Отечественных записках» — цикл «Вечера и ночи» (1842, № 5). Ко времени издания хрестоматии Фет был автором не только этих циклов, но и целого ряда стихотворений (в том числе, антологических) и переводов.

Все перечисленные ипостаси начинающего поэта-студента были учтены Галаховым, однако в своей подборке стихов для хрестоматии он отдает предпочтение циклу «Вечера и ночи», из которого выбирает пять стихотворений: «Долго еще прогорит Веспера темная лампа...», «Ночью как-то вольнее дышать мне...», «Я жду: соловьиное эхо...», «Я люблю многое, близкое сердцу...», «Вдали огонек за рекою...».

С наибольшей вероятностью такой выбор обусловлен не только оригинальностью (отсутствием подражательности) этих текстов, но и новаторством метрических форм (здесь были представлены, например, и дериват

* Работа написана в рамках проекта “Vene kirjanduskaanonij kujunemine / Russian Literary Canon Formation” (грант Эстонского научного фонда ETF 8471).

элегического дистиха, и вольный нерифмованный дольник). Хотя из цикла «Снега», который сам Фет считал важным и знаковым в своем творчестве, не было отобрано ни одного текста (в нем, впрочем, господствовали традиционные размеры), — лирика «зимнего пейзажа», ассоциирующаяся у самого автора с темой родины и «русскости»¹, была представлена стихотворением «На дворе не слышно вьюги...» из студенческого альманаха «Подземные ключи» (1842).

Антологическая лирика Фета представлена у Галахова стихотворением «Греция» («Там, под оливами, близ шумного каскада...»). Это единственный текст, включенный в основной раздел хрестоматии, тогда как другие стихотворения опубликованы в приложении. «Греция» оказалась самым ранним из опубликованных текстов, который не только входил в первый сборник Фета «Лирический Пантеон», но и впоследствии перепечатывался автором в изданиях стихотворений 1850, 1856 и 1863 гг. Стихотворение «Посейдон» («Солнце лучами играло...», перевод из Гейне) было заявлено как оригинальное произведение и вносило в подборку ироническую интонацию. Прочитав автор анонимной рецензии на сборник «Стихотворений» Фета 1850 г., писавшего об этих стихах: «Между стихотворениями г. Фета встретили мы одно, прекрасно переведенное им из Гейне, в котором немецкий поэт очень остроумно посмеялся над поэтами нашего времени, взывающими к греческим божествам» [Современник: 4].

В многочисленных переизданиях хрестоматии Галахова большинство названных текстов сохраняется (исчезает только «На дворе не слышно вьюги...» — в более поздних изданиях оно заменяется стихотворением «Печальная береза...» из цикла «Снега» — и связанным с ним темой *русского* пейзажа стихотворением «Теплый ветер тихо веет...»); «антологическая» тематика расширяется благодаря переводам из Горация, которые впервые включаются в хрестоматию в 1866 г. [Галахов 1866: 430–432, 434]. Составитель добавляет и стихотворение «Постой, здесь хорошо! зубчатой и широкой...» (<1847–1855>), своего рода поэтический манифест Фета в представленной Галаховым подборке (хотя школьная трактовка этого текста, безусловно, предполагала его прочтение в русле «любовной» темы).

Можно, по-видимому, считать, что именно хрестоматия Галахова задает основное направление для определения тематического диапазона стихов

¹ Ср: «Начало сборника носит почти демонстративный, программный характер. Само название первого цикла — “Снега” — вводит читателя в мир русской природы и таких ее проявлений, которые дают основание противопоставить красоту этой природы канонизированному искусству “полуденному” — греческому и итальянскому пейзажу» [Лотман: 430].

Фета другими составителями школьных хрестоматий (природная и антологическая лирика). Как мы видим, практически элиминированными оказываются два важных раздела лирики Фета — интимная, или любовная, лирика и стихотворения, которые некоторые литературные критики и литературоведы называли «философскими» (т. н. «поэзия мысли»)².

В подборке Галахова задана и основная *эмоциональная* тональность фетовских стихотворений: большинство из них, как мы видим, лишено драматического и/или минорного колорита.

Названные принципы отбора фетовских текстов для хрестоматий сохраняются у других составителей вплоть до второй половины 1870-х гг. Любопытно, что литературная критика 1850-х гг. при концептуализации тематического диапазона и эмоциональной окраски фетовских стихов, *вольно или невольно*³, оказывается близка Галахову. Так, например, В. П. Боткин в рецензии на сборник 1856 г. отмечает: «Г. Фет есть преимущественно поэт впечатлений природы. Самую существенную сторону его таланта составляет необыкновенно тонкое, поэтическое чувство природы» [Боткин: 315]; «Такую наивную внимательность чувства и глаза найдешь разве только у первобытных поэтов. Он не задумывается над жизнью, а безотчетно радуется ей. Это какое-то простодушие чувства, какой-то *первобытный, праздничный взгляд на явления жизни, свойственный первоначальной эпохе человеческого сознания*. Поэтому-то он так и дорог нам, как невозвратимая юность наша. Оттого так привлекательны, *цельны и полны* выходят у г. Фета пьесы *антологического или античного содержания*» [Там же: 316].

Мы видим, что представление о Фете как человеке и поэте, отличающемся наивностью, оптимизмом и цельностью — исследователи традиционно связывают это представление с приходом поэта в круг «Современника» (1853) и с отзывами о нем Тургенева, Некрасова, Льва Толстого⁴ — уже было, по сути дела, сформировано в глазах читателя самим отбором стихов для хрестоматии Галахова 1843 г. Фет был представлен здесь как лирик природы по преимуществу, как мастер антологического жанра и как поэт, пишущий главным образом в светлой жизнерадостной тональности.

² Основной корпус «философских» стихов Фета был создан позднее (в 1870–1880-е гг.).

³ Мы не ставим здесь вопроса о том, насколько осозанным было для Боткина подобное совпадение с трактовкой Галахова.

⁴ Ср.: «Он производил впечатление человека очень остроумного, богато наделенного юмором, непосредственного, стихийно талантливого и наивного, т. е. личности, близкой к “пушкинско-моцартовскому” идеалу, который в первой половине 50-х годов рассматривался кружком редакции “Современника” в качестве эталона художественной натуры» [Лотман 1977: 28].

Следует обратить внимание на важное обстоятельство: поэтическое новаторство Фета и Галахов, и литературные критики вполне обоснованно увидели в необычном (за некоторыми исключениями) для русской поэтической традиции настроении его стихов. В лирике, как хорошо известно, довольно редко доминируют радостные («моцартианские»), жизнеутверждающие эмоции.

Вместе с тем в галаховской подборке стихов нет текстов, которые были бы впоследствии особенно востребованы другими составителями хрестоматий или книг для чтения. Такие тексты впервые появились в хрестоматиях авторитетных педагогов: К. Ушинского, А. Филонова, В. Стоюнина и И. Паульсона.

В первую очередь, это стихотворение, публиковавшееся в хрестоматиях и книгах для чтения чаще всего под заглавием «Береза» («Печальная береза...», <1842>). Этот текст был впервые включен в школьный круг чтения К. Ушинским в книге «Детский мир и хрестоматия» в 1861 г. [Ушинский: 46]⁵. Позднее «Береза» включалась в хрестоматии, по меньшей мере, десяти других авторов. Следует также упомянуть стихотворения «Рыбка» («Тепло на солнышке. Весна...», <1858>) и «Я пришел к тебе с приветом...» (<1843>); оба введены Филоновым в хрестоматию для старших классов 1863 г.⁶; первое из них встречаем, по меньшей мере, у восьми других составителей, а второе — у пяти составителей, включая хрестоматию для младших классов Л. И. Поливанова)⁷. Стихотворение «Ласточки пропали...» (<1854>) было впервые введено в «Книгу для чтения» 1860 г. И. Паульсоном (пособие для народных училищ)⁸, в 1864 г. К. Д. Ушинский его включил в «Родное слово» для начальных классов, и вслед за этим оно встречалось в шести хрестоматиях других авторов.

В 1863 г. А. Филонов помещает в своей хрестоматии целый ряд текстов, которые ранее не встречались у других составителей: «Ворот» (<1847>), «Ивы и березы» (<1843>, <1856>), «Мадонна», (<1842>) «Муза» («Не в сумрачный чертог наяды говорливой...»), «Облаком волнистым...» (<1836>), «Полуночные образы реют...» (<1843>), «Уз-

⁵ В переизданиях этой книги стихотворение неоднократно перепечатывалось.

⁶ В переизданиях хрестоматии Филонова эти два стихотворения неоднократно перепечатывались. См., напр.: [Филонов: 424, 426].

⁷ См., напр.: [Поливанов 1894: 7]. В хрестоматии воспроизводятся только первые две строфы фетовского текста.

⁸ У Паульсона этот текст воспроизводится с пропуском третьей строфы, в которой современники Фета справедливо усматривали аграмматизм: «Лучше б снег да вьюгу / Встретить грудью рад! / Слово как с испугу / Раскричавшись, к югу / Журавли летят» [Паульсон: 244].

ник» (<1843>), «Уснуло озеро; безмолвен черный лес...» (<1847>). В издании хрестоматии Филонова 1878 г. добавляются еще два стихотворения из цикла «Гадания» («Зеркало в зеркало с трепетным лепетом...», <1842> и «Полно смеяться, что это с Вами...», <1842>), как бы замещающая выключенный из этого издания «Ворот». В отличие от всех других хрестоматий, Фет-переводчик здесь представлен переводами не только Горация, но и Гейне и Гафиза.

Мы видим, что многогранность поэтического облика Фета становится в этом издании более заметной для читателя, появляются стихотворения, характеризующие «народный быт» (из цикла «Гадания»), публикуется «поэтический манифест» Фета 1854 г. (стихотворение «Муза»), как бы определяющий его место среди других русских поэтов, увеличивается число антологических стихотворений (за счет условно-антологического — «Уснуло озеро; безмолвен черный лес...»), стихотворений, описывающих русский пейзаж («Ивы и березы», «Облаком волнистым...»). Появляется текст, написанный в стилистике романа («Узник» — «Густая крапива шумит под окном...»). Тем не менее, попытка несколько расширить тематический (и одновременно метрический) репертуар Фета не закрепляется в хрестоматиях других составителей.

В последней трети XIX в. появляется еще один составитель хрестоматии, который (подобно Галахову и Филонову) стремится закрепить в школьном бытовании целый ряд фетовских текстов, ранее в школьном каноне не встречавшихся.

Это Владимир Яковлевич Стоюнин, составитель книги «Классная русская хрестоматия для младших классов средне-учебных заведений (СПб., 1876). В книгу было включено десять текстов Фета. Три из них уже функционировали в хрестоматиях и книгах для чтения. Это «Я пришел к тебе с приветом...» (у Стоюнина — под заглавием «Утро»), «Я жду: соловьиное эхо...» (у Стоюнина — под заглавием «Летняя ночь») и «Степь вечером» (<1854>). Остальные семь стихотворений были введены (по нашим данным) впервые: «Я долго стоял неподвижно...» (<1843>, в хрестоматии — «Звезды»), «Чудная картина...» (<1841>, в хрестоматии — «Зимняя картина»), «Теплым ветром потянуло...» (<1842>, в хрестоматии — «Ночь в степи»), «Уж верба вся пушистая...» (<1844>, в хрестоматии — «Весна»), «Еще весны душистой нега...» (<1854>, в хрестоматии — «Журавли»), «Вот утро севера — сонливое, скупое...» (<1841>, в хрестоматии — «Зимнее утро в деревне»), «Прозвучало над ясной рекою...» (<1855>, в хрестоматии — «Вечер», «Вечер над рекою»). Однако среди перечисленных текстов у других составителей закрепились только

«Зимняя картина» (встречается, по нашим данным, еще в трех хрестоматиях) из упоминавшегося уже цикла «Снега», откуда была ранее взята «Печальная береза...» — самый частотный текст Фета в дореволюционном школьном каноне.

Подборка Стоюнина свидетельствует, что «антологический» Фет уже не актуален, — в хрестоматии мы находим только пейзажную лирику, представляющую почти все «времена года», в соответствии с заглавиями разделов в последнем на тот момент «Собрании стихотворений» Фета 1863 г. («Весна», «Лето», «Зима»; у Стоюнина отсутствует только «Осень»). Таким образом, в хрестоматии в очередной раз представлен преимущественно «жизнеутверждающий», а не «печальный» Фет, здесь нет даже «Печальной березы...».

Итак, наиболее востребованными в школьном каноне оказываются стихотворения Фета, написанные классическими двусложными размерами (четырёхстопный или трехстопный ямб, четырёхстопный или трехстопный хорей), лирика природы уверенно вытесняет в изданиях второй половины XIX – начала XX вв. антологическую лирику. Язык этих стихотворений близок к разговорному и относительно прост⁹, в них не присутствует (или выражен не столь явно) второй — символический план¹⁰. Образы стихотворений суггестивны (заражают определенным эмоциональным настроением), сравнительно легко вызывают визуальные представления¹¹.

Тем не менее, поэтическое новаторство Фета в школьном каноне оказывается проиллюстрированным преимущественно на уровне зрительных импрессий (хрестоматийный Фет — поэт визуальных образов)¹². В «школьной» поэзии не отражаются особенности поэтической эволюции Фета (как известно, между ранними и поздними стихами поэта есть довольно существенное различие, в школьной же практике доминируют стихи 1840-х – 1850-х гг., а позднее творчество вообще в нее не попадает).

⁹ Разговорность и «простота» поэтического языка характерны для многих отобранных составителями хрестоматий стихотворных текстов. См. об этом, напр.: [Сенькина].

¹⁰ В тех случаях, когда символизация образов в пейзажной лирике все-таки вполне очевидно обнаруживалась (например, в стихотворении «Ласточки пропали...»), она, скорее всего, не подлежала анализу в школьном преподавании. О символизации образов в пейзажной лирике Фета, см., напр.: [Klenin: 32].

¹¹ Так, например, В. Вересаев, характеризуя в «Записях для себя» стихотворение «Ласточки пропали...», отметил: «Эх, это чудесное волшебство поэзии! Чего уж, казалось бы! И сам говорит: поневоле тяжело, хоть плачь, лучше б снег да вьюгу грудью встретить рад... А сердце у читателя сжимается тоской, — так хочется смотреть, как на красном вечернем небе мелькают стаи грачей, как валится сухой лист, как стада этих милых перекаати-поле, словно живые, прыгают по степи и убегают вдаль» [Вересаев: 332].

¹² О важной роли звуковых и слуховых образов в поэзии Фета см.: [Гаспаров: 141, 145].

сильно выбивающимися из контекста основных споров между «почвенниками» и демократами¹⁵.

Линию пародийного переписывания этого стихотворения углубляет декадентский поэт Федор Сологуб, решая при этом свои собственные творческие задачи. Прочитируем его стихотворение, написанное 22 августа 1898 г.: «Я пришла к тебе в порфире / И в венце из жемчугов, / Чтоб сказать, что в целом мире / Дорог мне один твой кров. // И потом пришла с цветами, / Окропленными росой, / Чтобы с грустными глазами / Постоять перед тобой. // И опять пришла босая, / В ризе бедной и простой, / Робких глаз не поднимая, / Как раба, перед тобой. // И теперь пришла нагая, / Потому что страсть зажглась, — / И вздыхая, и желая, / Я навеки отдалась»¹⁶.

Несмотря на то, что в написанном (как и у Фета) четырехстопным хорем тексте рифмовка по сравнению текстом-источником изменена (сплошные женские рифмы заменяются перекрестными — жмжм), исходный текст вполне узнаваем и в результате совпадения ритмического и синтаксического членения (у Сологуба оно усилено — у Фета все же в последней строфе появляется анжабман), и лексического сходства (у Фета — «Я пришел к тебе»; у Сологуба — сходная конструкция, усиленная повтором в начале каждой строфы; у Фета — «рассказать, что...», у Сологуба — «Чтоб сказать...»; у Фета — «снова», у Сологуба — многократное «опять»). Наконец, в обоих стихотворениях присутствует ключевой образ *страсти* — чувства, которое у фетовского героя не переживает трансформаций («Рассказать, что с той же страстью, / Как вчера, пришел я снова»), в отличие от нарастающих творческих импульсов (рассказать, что «песня зреет»).

В стихотворении Сологуба фетовская метафора, характеризующая песню, переносится на «страсть» героини и реализуется: сначала героиня приходит в «бедной ризе» и проявляет покорность, потом она уже приходит с цветами, затем босая и, наконец, «нагая».

Подводя итоги, можно сказать, что «школьный» Фет способствовал не столько укреплению и росту, сколько угасанию литературной известности автора в восприятии читателя второй половины XIX – нач. XX в. Свидетельством тому, в частности, является почти полное отсутствие наи-

¹⁵ Репутация Фета как «крепостника» и «реакционера», безусловно, оказала влияние на составителей школьных хрестоматий, нередко придерживавшихся либеральных воззрений.

¹⁶ Материалы ко второму тому «Полного собрания стихотворений» Федора Сологуба / Подг. Т. В. Мисникевич (в печати). Выражаю благодарность Т. В. Мисникевич, любезно предоставившей мне электронный вариант рукописи.

более известных «школьных» стихов Фета в цитатном поле лирики ведущих поэтов-модернистов. Исключение здесь составляет Федор Сологуб, в течение нескольких лет прослуживший школьным учителем¹⁷ и, по-видимому, гораздо лучше других коллег-литераторов запомнивший хрестоматийные стихи Фета¹⁸.

Подвергнувшегося забвению Фета нужно было открывать заново, что и сделали в своем творчестве Ф. Сологуб, И. Анненский, В. Брюсов, А. Блок, А. Белый, Вяч. Иванов и др., для которых был важен не столько хрестоматийный, сколько внимательно прочитанный весь корпус текстов поэта.

Литература

Боткин: *Боткин В. П.* Стихотворения А. А. Фета // Критика 50-х гг. XIX века / Сост., вст. ст., преамбулы и примеч. Л. И. Соболева. М., 2002.

Вересаев: *Вересаев В.* Записи для себя (Мысли, факты, выписки, дневниковые записи) // Вересаев В. Невыдуманные рассказы. М., 1999.

Галахов: *Галахов А. Д.* Полная русская хрестоматия. М., 1843. Ч. 2.

Галахов 1866: *Галахов А. Д.* Полная русская хрестоматия. СПб., 1866. Ч. 2.

Гаршин: *Гаршин Евг.* Литературная беседа // Биржевые ведомости. 1889. № 29. 29 янв.

Гаспаров: *Гаспаров М. А.* Фет безглагольный. (Композиция пространства, чувства и слова) // Гаспаров М. А. Избранные статьи. М., 1995.

Достоевский: *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений: В 15 т. Л., 1990. Т. 7.

Лотман: *Лотман Л. М.* А. А. Фет // История русской литературы: В 4 т. Л., 1982. Т. 3.

Лотман 1977: *Лотман Л. М.* Тургенев и Фет // Тургенев и его современники. Л., 1977.

Михайловский: *Михайловский Н. К.* Литературная критика: Статьи о русской литературе XIX – начала XX века. М., 1989.

Паульсон: *Паульсон И.* Книга для чтения и практических упражнений в русском языке. Учебное пособие для народных училищ. Изд. 2-е. СПб., 1861.

Поливанов: *Поливанов Л.* Русская хрестоматия для первых двух классов средних учебных заведений. Изд. 16-е. М., 1894.

¹⁷ Сологуб преподавал в школе математику, однако его знакомство со школьной программой по литературе не подлежит сомнению. О рецепции «хрестоматийного» Фета в поэзии Сологуба 1890-х гг. см.: *Пильд Л.* «Хрестоматийный» и «другой» Афанасий Фет в лирике Федора Сологуба 1890-х гг. // Русская литература (в печати).

¹⁸ Видимо, брюсовское стихотворение, начинающееся строками: «Я пришел к тебе в гробницу через черный сад, / У дверей меня лемуры злобно сторожат», следует все-таки рассматривать как подражание Сологубу: некрофильская проблематика накладывается на известный хрестоматийный текст.

Сенькина: *Сенькина А. А.* Крылов в школьном чтении // Конструируя детское. Филология. История. Антропология. М., 2011.

Современник: [Б. п.] Стихотворения А. Фета. Москва. 1850 // Современник. 1850. № 3. С. 1–6.

Ушинский: *Ушинский К. Д.* Детский мир и хрестоматия. Изд. 2-е. СПб., 1861.

Филонов: *Филонов А.* Русская хрестоматия с примечаниями. Для высших классов средних учебных заведений. Изд. 4-е. СПб., 1878. Ч. 2.

Klenin: *Klenin, E.* The Poetics of Afanasy Fet. Köln; Weimar; Wien, 2002.